

797482

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

**МОСКВА.
«МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ».
1975**

1 797482

301

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

48.5

PZ
P 69

P $\frac{70402-088}{078(02)-75}$ 277-75

КОЛЕСО РОДСТВА

В нашу речь встает всех проще,
Чтоб родством сердца вязать,
В ряд со строгим словом «теща»
Удалое слово «зять».

А ведь есть других-то сколько!
Веют древностью глухой
И теплом «свекровь» и «свекор»
Вместе с тихой «снохой».

Соотносится с доверьем
И участием неспроста
Слово «шурин» к слову «деверь»,
Ибо равные места.

И придуманные ловко,
Могут впрямь свести с ума
Слово дерзкое «золовка»
С обольстительным «кума».

И божественно и жарко
Отзывается в душе
Слово доброе «божатка»,
Ныне редкое уже.

Даже тот, кто вовсе дальний,
Уж чужой, был все же чти́м.
Привечали, называли:
«Нам он будет по своим».

Слово каждое светилось
И в достатке, и в нужде:

Колесо родства катилось
По глубокой борозде...

Это хаять не годится.
Для чужого торжества.
Я и сам, конечно, спица
В колесе того родства.

Поумнев, я точно вызнал,
Отчего я так окреп.
То родство служило в жизни
Для меня, что черный хлеб.

* * *

Пятистенок, снегами зажатый,
Тишины накопил для меня.
Приходите, друзья, приезжайте
Ради светлости дня.
Самовар я поставлю веселый,
Бок бараний с печного огня,
Огурцы золотого засола
Ради светлости дня.
И в сиянии низкого солнца
Мы усядемся, будто родня,
И нальем, что у нас приведется,
Ради светлости дня.
Обнажим затаенные речи,
Суету от стола отстраня,
Чтоб дышалось и чище, и легче
Ради светлости дня.
И в какой-то хорошей печали,
Чтобы высвежить душу до дна,
Может быть, и споем, что певали,
Ради светлости дня.
Стали годы для нас все короче,
Торопливее день ото дня,
Но об этом подумаем молча
Ради светлости дня.

В КОИ-ТО ВЕКИ

В кои-то веки собрался за сеном.
Дядька выносит по шубе: а ну!
Вбухнулись в дровни, и дровни осели,
Сердце мое в белизну окунув.

Ах, как забилося оно полнокровно!
Рядом сиянье — коснись и взвизгни.
А вдалеке, будто россыпь моркови,
Сладко краснеет полоска зари.

Окрик ремешный взлетает все жарче —
Грива взвизвается черным огнем...
Чей и откуда, и кто этот мальчик
В лёте певучем на месте моем?

Перемешались дорога и память.
Снег из-под быстрых и мощных копыт
Прямо в лицо ударяет клубами,
Будто бы время само холодит.

Я и не вижу, как с доброй усмешкой
Дядька косится по полоз умолк.
— Что, — говорю, — ты, Василий, замешкал?
— Как же. — смеется. — приехали. Стог.

Вскинул глаза: посредине полянки
Медным стоит самоваром стожок.
Видно, таким его ставили жарким,
Что не держался и таял снежок.

Ну-ка, испробуем прежние силы,
Дядька, давай стариною трянем.
Вглубь на полгода мы вилы вонзили,
В самое лето, в хмельной окоем.

Пласт отвалили, а там будто погреб
Солнца зеленого — душу погрей:
Клевер лиловый, листок среброребрый,
Темный горошек, туманный пырей.

Стужа шарахнулась, дрогнули дровни,
Стало на сердце тепло и легко.
Вспомнился труд деревенский, здоровый,
Снова себя ощутил мужиком.

Значит, в крови задушевное дело,
Руки умеют по-прежнему все:
Вскидывать вилы легко и умело,
В ровной походке пружинить косье.

В полный размах топором без осечки —
Брызгами иценки — в пометку врубать,
Звонкою властью старинной уздечки
Брать меринка, и езжай — благодать...

Сеном разметаны, тучки редуют.
Сыплется, сыплется шорох сухой.
Дядька стоит на возу Берендеем,
Густо осыпан зеленой трухой.

Там, наверху, надо быть осторожным:
Ловко клади да надежно цепляй.
Стукнули вилы мои об остожье —
Господи боже, да вот и земля.

В травке зеленой. А что там? Ромашка
С лета забравшись в прутковую вязь,
С тычкою рядом свежо и бесстрашно
Солнечной меленкой приподнялась.

Чудо какое! Восторгом охвачен,
К ней наклонился, траву разровнял,
Снова я тот, здесь прописанный мальчик,
Тот, что летел на веселых дровнях.

Снова душа и поет и тоскует
В близости самой родимой земли...
Дядька тяжелую шубу мужскую
Мне подает: надевай, и пошли.

Крякнули дровни и тронулись тяжко,
Вслед за дровнями отправились мы.
Я оглянулся: желтеет ромашка —
Добрый цветок посредине зимы.

ПЕЧКА

Хороша в морозы тяга —
Печка в сумерках урчит.
Ощущаю за два шага
Огневые кирпичи.
И, застуженный и грустный,
Я сажусь к стене спиной.
А напротив в черном устье
Золотисто-красный зной.
Пышет молнией белесой,
Млеет синью в глубине.
Пляшет отблеск жарким бесом
На полу и на стене.
И сижу я, как у детства
Своего на берегу.
Руки грею, но согреться
Долго что-то не могу.
В дни свои смотрю нахмурясь:
Кто такой там жил и был?
Кто на суетную дурость
Тратил столько свежих сил?
Кто молчал, когда бы надо
Было прямо говорить.
Оставлял в сердцах досаду,
Не умел благодарить?
А ведь мог бы жить широко,
Мудро жить, себя ценя.
Кто такой — смотрю с упрёком —
Неужели это я?
Да, как многие... И что же?
Стало стыдно быть таким:
Приблизительно хорошим,
Неотчетливо плохим.
Надо тратить умнее,

Все отдать, что нам дано.
В смысл березовых поленьев
Вникнуть, право, не смешно.
Вот накладал поленьев в нечку,
И, обрадовав меня,
Вскинул искристо уздечку
Молодой конек огня.
И, смотрю, окно умылось,
Лед подтаял и потек.
И в окне сквозь ночь и стылость
Виден чей-то огонек.

Краснеет день — и прочь тоска от сердца,
Что тягостная темень — от костра.
На стужу выбегаю я погреться,
А стужа ослепительно остра.
Колун, что грач, взлетает в бликах черных —
И крикают еловые кряжи.
А снег под ними, словно белый порошок,
Взрывается, и мне лицо свежит.
Удар, удар, еще удар с размаху —
И сто годов трещат под колуном,
И, разлетаясь, жаром пышут плахи,
До сердцевины скованные льдом.
Вот где тепло — оно во льду таится.
Вот где огонь — он прячется в снегу!
Я пот смахну, отброшу рукавицы
И сигарету от снегов зажгу.

ВРЕМЯ

Не для того, чтоб после хвастать
(«И мы пахали!»), я беру
По-щучьи выкованный заступ
И легкий только поутру.
И не потешить ближних блажью
(«И мы умеем!») я встаю
На край гряды зелено-влажной
И легкой только на краю.
Лежат серьезно эти гряды
За домом старым и большим.
Им легкой прихоти не надо,
Лишь уваженье нужно им.
Они продольны и просторны,
Под облик дома самого,
Лежат брусками, как подпоры,
Как продолжение его.
Я знаю — в гряды днем весенним,
Шагая из конца в конец,
Свои закапывали тени
Сперва мой дед, потом отец.
А после с верностью упорной
Не раз, не два по-вдовьи мать
Свое закапывала горе,
Да не сумела закопать...
Теперь и я свой заступ ставлю.
И заступ жадно входит вглубь.
И дни минувшие пластами
Встают у пересохших губ.
Земля воспоминаньем дышит,
И что ни шаг, живее вид.
Забвенья корень темно-рыжий —
Осот на заступе лежит.
И прочь летит, мертво распластан!

А я — и вширь и вглубь опять.
Тяжел, тяжел бывает заступ,
Коль станешь прошлое копать.
Ведь и земля — не только почва,
А время, зримое давно:
И каменеющее прочно,
И в рост гонящее зерно...
По телу — сладкая усталость,
Как будто медленно горю.
Стираю пот и, разгибаясь,
Я в небо свежее смотрю.
И неизвестно мне откуда,
Но знаю, что издавека,
Как будто белые верблюды,
Бредут по небу облака.
И хорошо, что поле рядом,
И черных туч на небе нет,
И что на вскопанные гряды
Летит черемуховый цвет.

ПЕРЕКУР

Как сладок перекур на полосе!
Валюсь я на зеленый бугорок,
Когда из рук выходят силы все,
Когда земля уходит из-под ног.
Я раскрываю пачку сигарет —
Болгарский замечательный «Опал» —
И шлю болгарам мысленный привет
И сетую, что там не побывал.
Добр табачок! В охотку я курю.
И, щурясь по-мужицки, сквозь дымок
С протяжным удовольствием смотрю
На то, что сделать, развернувшись, мог.
И вспоминаю, не равняя дел,
Как горновой, усталостью палим,
Между затяжек точно так глядел
На мощь огня, разбуженного им.
И как, проехав гиблый перевал,
Шофер, мой друг, расправил камень плеч.
Он не курил сигарку, а жевал,
Забыв ее от радости зажечь.
И как поэт, знакомый бородач,
Найдя две гениальные строки,
Курил, курил, восторженно горяч,
И, не заметив, сжег черновики...
В любой работе должен быть азарт:
Мозг напряжен, душа напряжена,
Напряжены и руки, и глаза,
И наша всетерпящая спина!
Вот жизни смысл, достойный нас, мужчин!
И что бы там ни стали говорить,
А радостно, минуту улучив,
В таком азарте взять и закурить.
Приятнее всего, подобно мне,

Раскинуть руки жаркие в траву
И возноситься, лежа на спине,
Что ангел с сигареткой, в синеву.
И жаворонка слышать над собой,
Который все азартней и звончей,
Как будто колокольчик голубой
Качается на солнечном луче.
И чувствовать, как жар спадает с рук
И хмелем сила копится опять,
И, приподнявшись, поглядеть вокруг
И, наконец, как будто новый, встать!

ЖЕРЕБЕНОК

Где ивняк и свеж, и звонок
Вдоль озерной синевы,
Там родился жеребенок
В рыжем росилеске травы.
Необсохший, встал и замер.
Встал, дрожа, всего на миг
И огромными глазами
Удивился: как возник?
Головой повел, но тяжесть
Озаренной головы
Покачнула, и, пугаясь,
Он упал в озноб травы.
Мать — натруженная лошадь —
К жеребенку подошла.
Гривку ласково ероша,
Стала облаком тепла.
Он затих. Лежал послушно
И вдыхал дурман земли.
В дреме остренькие ушки
Трепетали и росли.
А потом, как и вначале,
Вздрогнул с гривки до хвоста,
И с передних ног, качаясь,
Он на все четыре встал.
Тонконогий, светло-рыжий,
С белым пятнышком во лбу,
Он стоял в траве недвижно:
Не пытал еще судьбу.
Лишь смотрел, смотрел на землю
С изумленной немотой,
И вскипали синь и зелень
В теле радостью тугой.
Слушал птиц и трактор в поле,

Потрясенно замирал,
И поскольку он не помнил —
Ничего совсем не знал.
Ни узды, кнута, ненастья,
Никаких иных времен...
Время всех других прекрасней
То, в котором ты рожден!

КРУЖОК

Вот и пахота посеяна.
Трактор смолк и будто спит.
Только сталь, от ныли серая,
С жару поет и звенит.

Вот и гряды перекопаны.
Мой сосед, закончив труд,
Ради смеха, перед окнами
И лопату бросил в пруд.

Вот и вырвались доверчиво
Зерен первые ростки,
Как зеленые кузнечики,
Тонконоги и легки.

Благодатным жаром полнятся
Бани около домов.
Веет в них, как в белых горницах,
Чистым запахом полов.

И в затишье слышно с улицы,
Как в парилке огневой
Мужики визжат, балуются,
Обливают жен водой...

Средь простых житейских радостей
Хорошо, что эта есть:
Из жары, не утираясь,
На порожек бани сесть.

Нагишом: стесняться нечего,
Да и зелень высока,
И приятно свежим вечером
Остывать и обсыхать.

И смотреть, как в небе ведренном,
Словно тень твоей души,
Подгорает след серебряный
Выше облачных вершин.

И добро в горячих мускулах
Чуять зелень, свет, закат
И понять, о том не мудрствуя,
Что здоров, так всем богат!..

А потом, как ныне водится,
Да и исстари велось,
Мужики окружно сходятся
В кружевную тень берез.

Коль поля плугами вскружены,
Гряды вскопаны кругом,
Не грешно же перед ужином
Закруглиться и вином.

Кругляки, что стулья, вкручены
В луговину вокруг берез,
И по кругу в этом случае
Круглый движется поднос.

Эх, проблемы кругосветные!
Эх, всемирный кругозор!
Все, что думалось до этого,
Все — на круг, все — на разбор!

Непристойно здесь таращиться:
Свой кружок и свойский круг.
Если ты мужик трудящийся,
Подходи — и будешь друг.

И вот, наконец, окупались
Тревоги покоем души.
Шары золотые купальниц
Плывут
В деревенской тиши.

И я не могу надивиться,
Что даже в такой солнценок
От свежих купальниц струится
Атласный сырой холодок.

И пахнет в безоблачный полдень
Дождем грозовым и еще...
Ну чем же, ну чем?
Ах, припомнил —
Прохладою девичьих щек!

А сердце мгновению радо:
Лишь запах,
Лишь звук или вид —
И сразу подскажет что надо,
Что было —
Опять оживит...

В зеленые годы иду я
И вижу чуть-чуть в стороне
Тебя,
До того молодую,
Что даже не верится мне.

Ты трогаешь косы смущенно,
И я от смущенья затих.

Пылают от близости щеки,
И свежестью веет от них.

И сердцу не надо иного,
Чем это касанье щеки,
Чем запах дождя грозового
И луга,
И близкой реки...

ВЕЧЕР

Вечер только затуманит
Очертания реки,
Словно маки, за домами
Закраснеют костерки.
И дымком от них потянет
Грустно-горьким в полутьму,
И меня туда потянет,
Сам не знаю почему.
Костерки горят знакомо:
Пышет солнечно сперва
Прошлогодня солома,
А за ней — красно — ботва.
Опершись легко о грабли,
Мужики стоят вразброд.
И не то, чтобы озябли,
А остыли от работ.
И не то, чтоб это странно,
А неясно до конца:
Почему перед кострами
Грустью тронуты сердца.
Почему, на пламя глядя
И уйдя от всех забот,
Пожилой счастливый дядя
Вдруг загадочно вздохнет...
Полю пахотному легче:
Вот с него старье сгребли,
И огонь, что вихрь, заверчен.
Все сжигает до земли.
И кругами оседая
В тихой зыбкости теней,
Льнет к земле зола седая,
Чтоб земля была свежей...
Только мне былую хворость

И ошибок, и обид
Не собрать, как в поле хворост,
Можно лишь расшевелить.
Только мне бывшие боли
Не стряхнуть с души и с плеч
И в весеннем теплом поле,
Как солому, не поджечь.

СОН ПАВЛЫ

И говорит серьезно Павла,
Бочком придвинувшись ко мне:
— Ведь на гулянку я попала
Вчера. — Да это где? — Во сне.

Ну смейся, смейся, да поверь мне.
Вот, значит, я вчерашним днем —
Не видел ты — бегу деревней
На праздник в платице одном.

Бегу лужком в полусапожках
Я восемнадцати годов.
Деревня — в песнях да гармошках —
Вся зачерпнулась до краев.

И вьюсь я в пляске в тесном круге —
Пусть смотрят выходку мою.
И мне завидуют подруги,
И парни жмутся на краю.

А хромка полымем огнистым
Кипит другим наперебой.
Решаю я о гармонисте:
Не знаю, чей — а будет мой.

И точно — будто бы устала,
Беру я под руки его.
И бродим тихими местами,
Уже не видя никого.

Он за плечом несет гармошку,
А я смеюсь, травинки рву.

Нарочно я роняю брошку
В сторонку, в теплую траву.

Ее мы ищем, где упала,
А травы ходу не дают... —
И замолчала грустно Павла.
— Чего молчишь?

— Проснулась тут.
Чего бы сон, а вот тоскую.
Голубчик, больно я стара.
Хоть на себя, не на такую,
Полюбовалась я вчера...

Встает, с досадою вздыхая,
И на меня глядит опять:

— Ведь где-нибудь да молодая
Должна же я существовать.

Ужель была да и пропала?
Вот ты ответь — я обожду.
Эх ты, ученый — дразнит Павла, —
А сон-то, думаю, к дождю...

И вправду — вскоре из-за леса,
Как будто сами елки вплавь,
Ползет гроза тяжеловесно
В томленье душного тепла.

Слепит, гремит и барабанит,
Звонят дома, вскипает пруд,
В зеленых гривах табунами
Березы во поле бегут.

Смотрю я радостно в окошко —
Деревня в грохоте ручьев,

Как будто в песнях да гармошках,
Вся зачерпнулась до краев.

И вижу там, где тучи тают,
Где солнце брызжет над травой, —
Гуляет Павла молодая
В наряде с брошкой огневой.

И с гармонистом под навесом
Стоит, травинки теребя,
За этим полем, этим лесом,
За шумным праздником дождя.

СТАРИК И СТАРУХА

Так гуляют рыбы стаи,
Что кинит река — рыбачь!
И старик кольчуги * ставит
С ожиданием удач.
И своей жене с улыбкой
Говорит, придя с реки:
— Угощу я свежей рыбкой,
Завтра рыбки пеки. —
На заре дрожа от счастья,
Он кольчуги достает.
Серебрятся рыбой снасти,
Будто в них крошен лед.
Груз тяжел — легка дорога.
Он спешит к старухе: — На!
— Фи, да это же сорога?! —
Тычет пальчиком жена.
— А сорога — что, не рыба? —
Усмехается слегка,
Но усталость, будто глыба,
Сразу давит старика.
Поутру уходит в холод,
Новой мыслью озарен.
Как в былые годы, молод,
Достает кольчуги он.
Набирает понемногу
Крутых рыб наперед.
Не берет уже сорогу,
Лишь налимов он берет.
Груз тяжел — идет счастливый,
Говорит старухе: — На!
— Фи, да это же налимы?! —

* Кольчуги (вологодск.) — рыболовная снасть.

Тычет пальчиком жена.
— А налимы — что, не рыба? —
Он срывается на крик,
И от этого надрыва
Чуть не валится старик.
Петухи зарю пропели.
Вновь к реке идет рыбак.
Без азартной канители
Снасти тянет кое-как.
Рыба блещет светлым ливнем,
Перья красные горят.
И старик, опять счастливый,
Кличет с удочкой ребят.
Те бегут веселой ратью.
Он глядит на них и рад.
Сыплет рыбу — забирайте,
Забирайте всю подряд!
Тропка зеленью сверкает,
Вьется медленно она.
Подперев бока руками,
У порога ждет жена.
— Недосуг мне с тестом мешкать,
Где же рыба, черт такой? —
Отвечает он с усмешкой:
— В магазине, за рекой.

Он отраженьем с берега возник.
Река текла, на облаке качая,
Как будто рыбий розовый плавник,
Куст иван-чая.

Нам приглянулось место. Мы легко
Втащили лодку на мысок песчаный,
И встретил нас веселым костерком
Куст иван-чая.

Палатка зеленела. Дым синел.
За лугом птица странная кричала.
И нам тянул пучок лиловых стрел
Куст иван-чая.

Я лесом, рыбой и травой пропах.
С тобою был как прежде, как вначале,
И трепетал жар-птицею в кустах
Куст иван-чая.

Мы уходили к вянувшим стогам,
И весело за нашими плечами
Узоры вышивал по облакам
Куст иван-чая.

Когда же день за ельниками тух,
Взлетал, туманы белые встречая,
Как будто красный молодой петух,
Куст иван-чая.

Солнце, будто жаркий жернов,
Размололо облака,
И развеялась просторно
Золотистая мука.
На леса, низины, взгорья,
На кувшинки вдоль реки.
Вот и скошены под корень
Наши летние деньки.
Ты узлы надежно вяжешь,
Будто будущую жизнь,
И тревоги не покажешь,
Лишь глаза опустишь вниз.
Загорела, посвежела,
Похудела, подросла.
Белоцветье чистотела
Посрывала у весла.
Ну, пора... Вон, видишь, едут
С дальних стойбищ косари,
По желтеющему следу
Зелень сена рассорив.
Грузовик слегка заносит
В непроезжие места,
Но жужжат под ним колеса,
Как четыре паута.
И частушки-завитушки,
Скоморошины летят
На еловые верхушки
Стаей крепких соловьят.
«Девки, пойте, девки, пойте,
Я старуха да пою-у!..»
Окончанье стихло в пойме,
Там, у леса на краю.
В молодой поре и силе,

И в порыве озорном
Прокатили, окатили
Сердце радостным теплом.
И колеблется в затоне,
И светлит в камнях струю
Это дерзкое, родное
И бессмертное — «пою-у!».

БАЙКА

Начать бы можно: жили-были,
Да слишком байка коротка,
Как под картошку склад рубили
Два деревенских мужика.
Один давно из сруба вылез,
Сказав: все скрыто под землей —
И вниз глядел, в сосновый вырез,
Где позамешкался второй.
И начал звать его напарник:
Да вылезай на белый свет!
Нашелся — тоже мне — ударник
И настиляет там паркет...
Но добродушно, безобидно
Тот отвечал из полумглы:
Хоть глубоко, но людям видно,
Хоть под землей, но все ж — полы.
И там опять мудрил чего-то
И топором стучал опять...
Он уважал свою работу.
А я его стал уважать.

ДВЕ РЕКИ

Бежит река веселыми покосами,
И по ее ольховым берегам
Избушки, сетки, пожоги разбросаны,
Манящие к ухе и пирогам.
В воде томленной, теплой и кувшиновой
Ворочаются щуки и язи.
Как острогами, тонкими вершинками
В затоны ельник сам себя вонзил.
Придя с работы, женщины кунаются,
Раздевшись за кустами догола.
Издалека все будто бы красавицы,
Сверкают в зыбких радугах тела.
И воровски, с большого отдаления,
К ним подплывают ныром мужики.
И вся река притворным визгом вспенена,
И ухают здоровые шленки...
А рядом, за малинником, скрывается.
Одним полдневным жаром налита,
Глубокая, но высохшая старица,
Как будто глухота и немота.
На дне ее стоит осока длинная,
Которую никто не мог скосить.
И берега стоят двумя былинами
В сухом и тихом шорохе осин.
Я прохожу порой ее изгибами,
И чудится мне прозелень волны
С большими и сверкающими рыбами,
С живой травой и тайной глубины.
И мужики мне видятся далекие.
Вот только лица трудно разобрать.
Быть может, земляки: похоже, окают.
Но вдруг очнусь — и тишина опять...
По вечерам костры горят, как песенки,

И что гармошки, тянутся дымки.
Вновь многолюдно, хлопотно и весело
На станах у темнеющей реки.
Я, отвалившись от ухи наваристой,
Прикуриваю вновь от уголька
И слушаю, как шевелится в зарослях
И темным валом движется река.
А рядом, за кустом, в глубокой старице
Забрезжил белый и глухой туман.
Он кольцами витыми поднимается,
Сливается, плывет, что караван.
И вот уж вровень берега затоплены,
И в белом половодье там и тут
Недоуменно, изумленно толпами
Осины молчаливые бредут.
И пристальному взгляду открывается,
Как рядом две реки издавека
Текут, текут, и в белую вливается
Неторопливо темная река.

Схватив корзины, ведра, рюкзаки,
С практическим и жадным интересом
В лес поутру бегут отпускники
И бродят, бродят, словно бредят лесом.
Не разгибаясь, шарят там и тут,
Лишь слышно, как трещат сучки под ними.
Берут грибы и ягоды гребут,
Но вот, устав, они глаза поднимают —
Извечный шум плывет среди ветвей,
И беспредельно синева струится.
И сразу взгляд становится светлей,
Задумчивее суетные лица.
И в лицах на мгновение одно
Тогда черты возникнут за чертами,
Какие были в них, но так давно,
Что люди навсегда забыли сами.

Я с сыном брожу по чащеньям,
Где старых покосов уют,
Где елки — седые кащени
Златые грибы стерегут.
Сын лезет в зеленую заваль,
В восторге кричит, а потом,
Румяный, ко мне выползает
С огромным пузатым грибом.
Ах, сын! Это вовсе не значит,
Что если велик, то хорош.
Пускай же проверит удачу
До блеска наточенный нож.
И вот разрезается корень.
Червивый — а вид-то каков!
Ну, брось же! Бывает такое
Не только средь белых грибов.
Заглядывай чаще под ветви,
От тропок подальше вползай.
Выискивай, кто незаметен,
Кто вовсе не лезет в глаза...
Легко нам в тиши заповедной.
Мы сближены связью такой,
Как сближено синее небо
С осеннею желтой землей.
Мне руки не ломит корзина.
Не рвусь наперед — ни к чему.
Довольный, смотрю я на сына:
Пусть лучшие клады — ему!

Стоит березняк с замирашем,
А в нем налита допотопная
Крепленная ином ранним
Янтарная свежесть вина.
Поодаль рябинник пылает
В косых и прохладных лучах,
И брызги багряные ягод
Рябиновкой так и горчат.
А рядом с дорогою торной
В отаве, что пена, густой
Шиповника рыжие зерна
Томятся, как бражный настой,
По голову хмелем не кружит,
Хоть кружится всюду листва.
Душа от предчувствия стужи,
Как сжатое поле, трезва.

Что красноводье, поздняя брусника.
Я в ней корзину грузную топлю.
Грущу от улетающего клика
И сам брожу подобно журавлю.
И мне пора, хоть здесь озера ягод,
Бордовых, прокаленных на росе.
Но все равно их не набрать мне на год
Пуškai же остаются на рассев.
Мне хочется к тебе — в твои печали
И радости — как птицам в синеву.
Любовью это называл вначале,
Теперь любовью трижды назову.
Быть может, поздно прояснилось сердце,
Но в нем одно желание добра.
Вот и бруснике, чтоб красно зардеться,
Необходима поздняя пора.
Зато теперь и сладость в ней и сила,
И княжеский на мху зеленом вид.
И та роса, что руки мне студила,
Твое лицо бруснично озарит.
Мы не пойдем при встрече за гостями,
А целый вечер просидим одни.
Ты будешь черпать ягоды горстями,
И потекут меж пальцами они.
И каждая-то ягода прошепчет,
И промелькнет в глазах твоих игра,
И подтвердят раскутанные плечи,
Что лучше прежних поздняя пора.

До чего же я зависим
От житейской толкотни,
От твоих суровых писем,
От бесчисленной родни.
От застолий, от собраний,
От пустых ненужных встреч.
Я не в молодости ранней —
Время надобно беречь.
...Вот живу я, как хотелось.
Будто в поле жаркой ржи,
Золотую жизни спелость,
Наконец, в снопы вяжи.
Никакой тебе помехи —
Делай так, как думал жить.
Никуда не надо ехать,
Суесться и спешить.
От себя лишь я зависим...
Но гнетет тоска опять:
Почему не пишут писем —
Разве долго написать?
Почему никто знакомый
Не заглянет на ночлег,
Почему так тихо в доме?..
Станный, право, человек.

КОЛОДЦЫ

В колодцах наших испокон
Была вода такая,
Что в ней звенел морозный звон,
Когда с ведра стекала.
Ведро, прозрачное до дна,
До кранишек железных,
Мерцало чистым светом дня
И таинствами бездны.
Возьми ковшом и раздоби
В него влитое солнце —
И сила свежая глубин
В тебя легко вольется...
Теперь же стоит зачерпнуть —
Да что это такое?
В ведре то ржавчина, то муть
И дух заукойный.
Все деревенцы собрались,
У срубов свои вслубили.
Поочередно смотрят вниз,
В затихшие глубины.
«Ну вот что, — выступил мужик,
Нашелся доброволец! —
Чего там тык да перетык,
Снускайте-ко в колодец»
Зажглась в ладонях горячо
Веревка с ношей трудной
И запружинила лучом
В ребристой глотке срубной.
Уже и руки отекли,
Веревка в них кололась.
Но, наконец, из-под земли
Донесся тихий голос.
И каждый чутким слухом вник

В просвет, четыре ската:
«А здесь тепло, — кричал мужик, —
Вот только тесновато».
Все оживились. И пошло:
Скрипел в натуге ворот,
Ведро тянулось тяжело
И выглянуло скоро.
Так что же? — кинулись смотреть.
А в нем, с краями вровень,
Была колодезная смерть —
Песок — плавун багровый.
И стали черпать тот плавун,
Плескать остервенело.
Уже бессечно мертвых лун
У сруба багровело.
И тут сверкнуло, что слюда,
Внизу, в раструбе черном,
И крик взлетел: — Пошла вода!
Вода! — взвилось повторно.
Взметнули дружно мужика
Из шумного колодца.
Он зашатался, замигал,
Ослепнувший от солнца.
И тут сказал, приняв тепла,
Одну из мудрых истин:
«Чтобы земля не умерла,
И землю надо чистить».

ПОЗЕМКА

Виктору Коротаеву

И ночь, и снега —
Я один средь полей.
Дорога долга
До деревни моей.
И в черных лесинах
Мерцает едва
Луна, что лосиная
Голова.
Струится поземка,
Как будто во мрак
Летят вперегонки
Стаи собак.
И чистые звоны
Морозной струны
Зовут меня снова
В снега старины.
Я вижу, как звездно
Там снег искрит.
Я слышу полозьев
Далекий скрип.
Лихой на холоде
Крик возниц
И топот с хлопаньем
Рукавиц.
И вдруг из облака —
Взгляд коня.
С дороги побоку,
В снег — меня.
И пролетели,
Меня обдав
Сухой метелью

Душистых трав.
Встаю и вижу:
К ним из ворот
Пчелою рыжей
Фонарь плывет.
Потом и в доме
Зажегся свет —
Снопом соломы
Упал на снег.
Смотрю и думаю:
Дай зайду,
Речь про судьбу мою
Заведу.
Годов завесу
Мы отстраним.
Как интересно
Должно быть им
Услышать громкий
За дверью стук,
Меня, потомка,
Увидеть вдруг!
А двери в избу
Ох, тяжелы!
Сголетья виснут
На петлях мглы.
Стучу, толкаю —
Душа зашлась:
Я с мужиками —
С глазу на глаз!
Струит навесная
Лучина свет.
Я их знаю,
Они меня — нет.
Первый Роман —
Он прадед мне.

Второй Иван —
И тот по родне.
Здороваюсь, застя
Свет рукой.
Бают:
— Здравствуй...
Кто такой?
— Да свой, — отвечаю, —
Я правнук ваш!
Пожали плечами:
Мол, что за блажь?
И замерли. Люто
Лучина трещит.
В глиняном блюде
Стынут щи.
И долго и резко
Смотрят они.
— Ну, что ж, не побрезгуй,
Поешь, отдохни...
Сажусь, не умея креститься,
К столу.
Мужицкие лица
Бледнеют в углу.
Мужицкие руки
Три раза подряд
В холодном испуге
Крест сами творят.
И я извиняюсь,
Теряюсь тут:
В руках-то тяжесть —
Не шевельнуть.
Напротив — прадед.
Скулы тверды
В черной оправе
Густой бороды.

А взгляд простодушен,
Даже свят.
Лето пастушье
Таит взгляд.
Весь он очерчен
Синью окна,
И на оплечье
Заплата видна.
Любуется прадед.
Не верит мне.
Ужель ты и вправду
Нам по родне?
Но хмурит лицо
Отчужденно Иван:
— Да он из купцов
Аль каких дворян.
А может, чиновный —
К теплу привык.
Но нам не ровня,
Нет, не мужик!.. —
Я голосом твердым
Твержу, торопясь:
— Я ваш, но в четвертом
Колене от вас!..
— Чудно как! Послушай,
Скажи-ко нам:
А сколько на душу
Земли-то там?
— А нынче у нас, —
Отвечаю я, —
Сколь хватит глаз —
Вся твоя земля...
Глядят, не мигая.
Хлопнув в бока.
По-истуканьи

Два мужика.
И я поскорей
Поясняю ответ,
Что много полей,
Но собственных нет...
— Ну, вот что: уймися, —
Встают предо мной. —
Ты врешь, будто писарь
Наш волостной
Нам некогда лясы
С тобою точить.
Коль хошь, забирайся
Да спи на печи.
А утром, коль правнук, —
Смеются они, —
За сеном отправим,
Вот тут и тyani... —
Снимают рубахи
В порыве крутом,
Которые пахнут
Тяжелым трудом.
Крепки и красивы
В своей простоте.
Померяться б силой,
Да силы не те.
Не выдюжить — чувствую —
Сразу сдам...
Чадно и тускло
Здесь по углам.
И длится молчанье,
И сам я затих.
И тут замечаю,
Что выдумал их.
Что с этой избою
Я сказку творю

И сам я с собою
За них говорю.
То дальше, то ближе
Двигаю свет.
Я их вижу,
Они меня — нет.
Как тайна, как чудо,
Текут года:
Видно — откуда,
Не видно — куда.
И жесткой солью
Струится снег
От поля к полю,
Из века в век...
И вдруг на откосе
Из дальних веков
Словно кто бросил
Горсть угольков,
Здравствуй, деревня!
Прими, отопрей...
Веничек дремлет
Возле дверей.
Ноги вычистил,
Встал за порог
И электричество
Пальцем зажег.
Как будто в август
Сразу попал.
Курю, наслаждаясь,
Болгарский «Опал».
И слышу, как звонко
У наших ворот
Вихрится поземка
И в полночь метет.

Мне опять покой неведом —
 Журавли кричат вдали,
 Захлебнулись реки небом,
 Небом блещут колени.
 Сапоги мои мерцают
 Тоже в небе до колен.
 Голубыми бубенцами
 Я пленен — и сладок плен.

...Сердце хочет перемен.

Березняк, еще безлистый,
 С изумлением притих
 В воркованье, пенье, свисте,
 Будто в кольцах золотых.
 Он слепит и сам же слéпнет,
 Отрываясь от бугра,
 И висит он в ухе неба,
 Как серьга из серебра.

...Сердцу хочется добра.

Ветка к ветке, птица к птице,
 И зерно летит к зерну.
 Тосковать мне и томиться,
 И тебя искать одну.
 Дни бродить, не спать ночами,
 Позабыть года свои —
 Только было б, как вначале,
 Ну, откликнись, позови!

...Сердце стонет от любви.

Несутся тучи, словно кони,
И гром, как буйный коновод,
То тут, то там во тьме погони
Огнистой плеткой гривы рвет.
Слепит глаза от плетки грозной.
А из серебряных подков
Летят серебряные гвозди
Поверху крыш и желобков.
Вот отстучали. Тихо снова.
И светит радуга в полях,
Как драгоценная подкова,
Оброшенная второиях.

Лишь разматается дорога
В дверях под низким косяком,
Скорей разуюсь у порога,
Пройдусь по полу босиком.
Он в речку детства обратится
На эти несколько минут.
Как будто струи, половицы
Прохладой ноги обдадут.
Пройдусь без всякого притворства:
Лишь мать да я — одни в избе.
И прямоу и память остро
Любая вещь таит в себе.
На лавку сяду отдыхая.
Так здравствуй, тихая изба!
Ты, говорят, патриархальна
И примитивна, и груба.
Не видишь будущего дали,
А только жмешься в глубь земли.
А мы и знать того не знали,
Когда в тебе, такой, росли.
Когда в метельный гул, бывало,
Как в теплой туче, на печи
Иль под цветастым одеялом
Шептала сказки нам в ночи.
Когда ты смалу нам внушала,
Чтоб сердцем вняли наизусть,
Какая древняя, большая
Земля отцов и дедов — Русь.
Когда с пригорка ты махала,
Чтоб нам счастливо жить и плыть...
И это, слышь, патриархально,
И это лучше бы забыть?
Изба молчит. Лишь вьются кольца

Над самоваром все теплей.
Мол, ты с дороги успокойся
Да чаю крепкого попей.
Мол, знай одно: кто держит память,
Тот в жизни значит что-нибудь.
А дней минувших не поправить,
Но и пером не зачеркнуть.
Мол, ты теперь и сам не слабый,
И если помнишь детства дни,
В знак благодарности хотя бы
Возьми да крышу почини.

* * *

«Ах, Родина», — я тихо произнес
И распахнул рубашки белой ворот.
Всего два слова — а щемит до слез,
Всего два слова — и опять я молод.
И раньше в белострунный березняк
Входили люди, вглядывались в дали
И тоже волновались точно так,
И точно так молитвенно шептали.
Несчетно раз слова повторены
В одном и том же радостном порыве,
Но столько в них для сердца новизны —
Как будто я их произнес впервые.

ЛЕБЕДИ

Заболел я. Мать в тоске томится
И крошит в заварку зверобой.
Я лежу, а огненные птицы
Кружатся подолгу надо мной.
Что за птицы?! Я глаза открою —
Никого. Лишь вижу потолок.
Задремлю, и снова надо мною
Взмах крыла, спокоен и широк.
Так спокоен, что меня возносит,
Так широк, что оторопь берет...
Снится мне на Васюгане осень
В недоступной зелени болот.
В зыбунах, оранжевых и бурых,
Протянувших в сотни верст узор,
В сосняках, что в мамонтовых шкурах,
В кружевном кручении озер.
На озерах, потайных и древних,
Лебеди и стаи лебедят
Скатывают воду с белых перьев
И великодушно серебрят.
А когда над ними небо срежет
Наш нетерпеливый вертолет,
Так взметнутся царственно и снежно,
Что от света сердце обомрет.
Засверкают блики на болоте,
Птицы пролетят — крыло в крыло.
И в просторном нашем вертолете
Будет удивительно светло...
Родина, какая ты большая!
Кто еще на свете так богат?
Небо над тобою украшая,
Горделиво лебеди летят.
В кипени и яблонь, и черемух,

И в кипенье речек и морей
Отраженье с нами обрученных,
В сказку вознесенных лебедей.
В белых платьях школьниц тонконогих,
В строчке, сочиненной для добра,
В радости, заботе и тревоге
Отблеск лебединого пера...
Мать мне говорит: «Давай укрою.
Мало спал. Да разве эдак спят...»
Улыбаюсь ей: «А надо мною,
Посмотри-ко, лебеди летят». —
«Что ты, — говорит, — откуда взяться?
Вот какой ты странный человек.
По углам куржавины, что зайцы,
А в окне, взгляни-ко, валит снег».
Пожимает старая плечами.
У нее, смотрю, тревожный взгляд.
«Снег, так снег», — согласно отвечаю.
Засыпаю... Лебеди летят!

ЧТОБ СТАТЬ СОБОЮ

Из поднебесья красных гор тувинских,
Еще пока ничем не знаменит,
Как будто из ладоней материнских,
Он чистым колокольчиком звенит.
И может согнуться средь пустых расселин
Иль превратиться в жалкий водопой.
Но чтобы стать могучим Енисеем,
Но чтобы стать ему самим собой —
Из-подо льда, из-под гранита надо
Срываться вновь на лед и на гранит,
Вбирать в себя дожди и звездопады,
И родники, что мать-земля таит.
В пути вскипать до белого каленья,
В затворы бить, от них не отступя,
Ворочать скалы и швырять каменья,
И на порогах разрывать себя.
И надо было из поры безвестной
Сверкать ружьем и лезвием ножа,
Тянуться стоном, разлетаться песней
Бродяг, переселенцев, каторжан.
И кровь смывать в лихую ночь и слезы,
Людские тайны хоронить навек.
Отогревать на дьявольском морозе
Протянутые руки малых рек.
И надо было научиться слушать
И понимать, что сказано в памек.
И на волнах в глухом селенье Шупша
Качать ночами долгий огонек.
Нести его, как золотую горстку,
И вширь и вдаль до наших звонких лет.
И удивить однажды Дивногорском,
И сжечь себя, чтоб выплеснуться в свет.
И надо было в радужные краски

Раскрасить дебри, села, города
И ослепить пришельца этой сказкой,
И заманить его навек сюда.
А самому лететь, гудеть прибоем
И океан по-дружески толкнуть.
Немало надо, чтобы стать собою —
Сквозь всю Россию пропахать свой путь!

У АТАМАНОВЫХ СКАЛ

Саяны в легкой дымке брезжат,
То зелены, то голубы,
И выпирают на побережье,
Как азиатских ханов лбы.
Простор знобит и поражает.
Я представляю, как сюда
Гребли на веслах устюжане
В первоначальные года.
В глазах сверкало изумленье,
Кипели ветры в бородах,
И стрелы в диком оперенье
Свистели около рубях.
Но что стрела перед высоким
Мужицким словом и умом!
Уже шатрами плыли сопки
На перепутье кочевом.
С руками руки даль сближала.
Недаром с тех годов у нас
Пылают щеки темным жаром
И пляшет бес в прищуре глаз.
...Плывем, плывем... Смолою пахнет
И теплой хвоей кедрача.
Как предков красные рубяхи,
В горах мелькает иван-чай.
А на откосах в травах рослых
То тут, то там за рядом ряд.
Как предков вскинутые весла,
Березы белые горят.

В ОВСЯНКЕ

В Овсянке в доме тетки Нюры
Такие шаньги на столе,
Что не сдержать натуры-дуры —
Опять сидим навеселе.
Опять с утра кипит застолье.
Добро вино, вкусна еда.
Ей-богу, в гости ехать стоит
За десять тысяч верст сюда.
Родни-то горсть. А ведь бывало —
Шумела яблоней она.
Но ствол родства давно повален,
А корни выбила война.
Уже не встретиться со всеми,
Но с тем, кто жив, — пришла пора
В окне над синим Енисеем
Сверкает Черная гора.
И тетка Нюра, сладив с печкой,
Пригубит рюмочку и вот
«Ой, потеряла я колечко»
Светло и тихо запоем.
И по лицу у тетки Густы
Вновь полыхнет минутный зной.
Вздохнет она и в голос грустный
Вплетет свой голос удалой.
И встрепенется тетка Проня:
Концом платка слезу смахнет,
В ладони голову уронит,
А песню выведет в полет.
И никуда уже не деться:
Что было — снова наяву.
В печальной песне сладко сердцу,
Как в приобщении к родству.
И в этот день, в слезах, в веселье,

Плывет минувшая пора...
В окне над синим Енисеем
Сверкает Черная гора.

Уже без чаек даль потускла,
Речная стихла быстрина.
Но все трясется трясогузка,
Кричит над палубой она.
На длинной палубе теснится
Груз для арктических широт.
О чем же так горюет птица,
Зачем от нас не отстаёт?
И мы разгадку эту ищем,
И вот находим, наконец,
Гнездо в контейнере, на днище,
И в нем — ну надо же! — птенец.
Да как не выпал при погрузке,
Как уцелел он — не понять.
Ах, трясогузка, трясогузка,
Неосмотрительная мать.
Кричи теперь над Енисеем,
Кружи без устали над ним,
Из теплых мест на белый север
Плыви с гнездовнем своим.
Уж Ангара, уже Тунгуска
День ото дня все холодней.
Летит, как прежде, трясогузка
В тоске беспомощной своей.
И мы молчим, хотя охочи
Болтать всю вахту напролет.
И капитан угрюмый молча
У островов сбавляет ход.
Потом срываем шлюпку молча,
Несем гнездо — пусть видит мать.
И ледяные волны — в клочья,
И остров — лучше не сыскать.
Птенца в тепло, на место, садим

И хлебных мякишей суюм.
И мать летит к нему надсадно,
Как ветка, сбита дождем.

НА УГРЮМ-РЕКЕ

Вино по-братски делим
И впрок не бережем.
Янтарным жиром стерлядь
Сочится под ножом.
За встречу в Туруханске!
Здесь, у речных глубин,
И в ночь не тухнут краски
Пронзительных рябин.
Светло, как днем. И даже
Прозрачна высота.
И в пей, что глаз стерляжий,
Всего одна звезда.
А у построек старых,
Лохматясь от росы,
Лежат на тротуарах
Величественно псы.
И машут нам хвостами,
Сойдясь накоротке,
И шествуют за нами
Они к Угрюм-реке.
Так вот она какая —
Меж гор известняка
Слепит река, сверкая,
Бела и велика!
Скорей туда! И взрыта
Она лихой волной.
Моторка, словно бритва,
Летит над белизной.
И нас палит и студит
От дикой красоты.
За белыми уступы
То буры, то желты,
То красны... Сколько надо

И мощи и затей,
Чтоб эти колоннады
Взметнуть в красе своей!
И — ни души-живинки.
Лишь чайки там да тут,
Как малые снежинки,
Над бездной промелькнут.
Глядим на скалы снизу,
Как будто втайне ждем
Красавицу Анфису
С приветливым платком.
Да средь камней огромных
Не крикнут ли из мглы
Веселый Петька Громов
Да Ибрагим-оглы.
Но — нет. Одни березки
Цепляет снизу взгляд —
Как будто напироски
Геологов дымят.

НЕПОЙМАННЫЙ ТАЙМЕНЬ

Твердил товарищ всюду
Уже который день,
Что это чудо-юдо —
Божественный таймень.
Жалел нас, что ловили
На вотчине своей
Лишь раков да налимов,
Сорог да окуней.
И нам своя рыбалка,
Родная с малых лет,
И впрямь казалась жалкой:
Увы, тайменей пет.
А здесь в тиши вечерней
Таймени в глубине,
Мол, сереблятся чернью,
Как молнии на дне.
...Свистел с размаху спиннинг,
Трещал в руках все злей.
Сверкая красной спинкой,
Взлетал надводный змей*.
Но не было тайменя.
Товарищ заверял:
«Вот завтра уж сумеем
У Караульных скал».
И шли мы к Караульным.
И спиннинг у камней
Опять взлетал разгульно,
Опять крутился змей.
Но не было тайменя.
У друга — прежний вид:
«Вот завтра — непременно

* Надводный змей — рыболовная снасть.

У сопки Хуркакит».
И шли мы к Хуркакиту.
И спиннинг вновь с камней
Свистел уже сердито,
И змей плясал — как змей.
Но не было тайменя.
А друг руками тряс,
Что был, да у каменьев
Сорвался, черт, зараз.
Лишь высверкнул — огромный! -
Над бешеной волной
Своею благородной
И снзою спиной.
Вот завтра, мол, закинем —
Так будут чудеса...
Ну что ж — зато какие
Здесь горы и леса!
Зато на воле здравствуй
И жгн костер светлей.
И помни — нет прекрасней
Ухи из окуней.

В книжках карманных
В сотню листов
Явных и тайных
Тьма адресов.
Но среди прочих
Важных помет
Исконных отчин
Адреса нет.
Скажешь: он — в сердце,
Скажешь — в душе.
Только не верится
Что-то уже.
В книжку его бы:
Стал бы листать —
Вспомнил сугробы,
Деревню и мать.
Ей бы согреться
В метельную зыбь...
К зяблому сердцу
Снега не сынь.

ЗАСОДИМСКИЙ

Как будто бы лесник рыжебородый,
Из-за Двиницы солнышко взойдет
И в ельниках потопчется, побродит
И двинется по деревням в обход.
В Петряеве озолотит задворки,
В Нелидове осеребрит дымки
И выхватит из тьмы усадьбу Горки,
Где дом красив и липы высоки.
Здесь, в свежести речного закоулка,
Засодимский у тетушек опять
Скрывается от взгляда Петербурга,
Чтоб горький взгляд России увидеть.
Как пишется ему в глухой усадьбе,
Когда вокруг горит осенний лес!
И, кроме теток, то, что он — писатель,
Никто, конечно, и не знает здесь.
Он любит утро. На крыльцо выходит.
На нем толстовка серая вразлет.
«Однако же, какой сегодня холод!» —
Он ежится и руки зябко трет.
Хоть знает, что в натопленной гостинной
Уж стол накрыт, и деревенский чай
Из-за его медлительности стынет,
И тетушки, наверное, ворчат.
Но, запахнувши полы потеплее
(Он стар уже и часто нездоров),
Идет к реке рябиновой аллеей,
Где кисти будто гребни петухов.
Он думает в мучительном бессилье
(Опять о том), как на путях разрух
Не растерять в развитии России
Народный облик и народный дух...
С реки пахнуло мокрою осокой —

И вот Двишица в синеве излук.
И он стоит на берегу высокѣм,
И деревеньки томятся вокруг!
И хочется ему, чтоб на страницах,
Как по Двинице в этот чистый день,
Сумели бы надолго отразиться
Тоскующіе окна деревень.
...Я знаю этот край, и он мне дорог,
И неизбывно на душе тепла.
Опять всхожу с пригорка на пригорок,
Как будто в жизнь, что есть и что была.
И кажется: вот подойду поближе,
Раздвину годы, что кусты ракит,
И в листопаде золотом увижу —
На берегу Засодимский стоит.

РАЗГОВОР С ХУДОЖНИКОМ КОРБАКОВЫМ

Даль осени остылой
Печальна и чиста.
И благостен пустынный
Из тихого скита.
Со взором проясненным
Бредет едва-едва,
И гаснет с мягким звоном
Озябшая трава.
Не мой ли это прадед
Бежал от суеты
Искать для сердца правды
В озерные скиты?
Не знаю. Вьются ветви
Меж нами широко.
Так почему — ответь мне,
Владимир Корбаков, —
Повеет — нет, не богом —
Пронзительным до слез,
Лишь гляну на глубокий,
На нестеровский холст.
Встревожит знаком вещим
И в сердце упадет
Тот взгляд, в себя упавший,
И посох мудрый тот.
И тронет снароком,
Вся в инее насквозь,
Из той поры далекой
Рябиновая гроздь?..
Ответишь мне по-свойски
На то, что я спросил,
Что это отголоски
Исчезнувшей Руси.
С какой надеждой краткой —

Ты скажешь — приглядишь,
В мучительной догадке
Дышала эта кисть
Травой, цветком, росинкой,
Чтоб выявить одно:
Куда ж идет Россия,
Что сделать ей дано?

Нелегко путь до истины,
И бились неспроста
Пророческие кисти
На золотых холстах.
А Русь простолюдинкой,
Тоскуя и грозя,
Все шла, и плыла в дымке
Прекрасные глаза.

Летят все круче годы,
Туманами струясь.
Куда же Русь уходит?
А Русь уходит в нас!
Сквозь бури революций,
Сквозь оттепель и стынь
Уходит, чтоб вернуться
На свежее холсты.
И в ней опять загадка,
И глубина опять.
Гордиться нам и плакать,
Терять и вновь искать.

В молчанье я стою один,
Где проходила ты когда-то.
Лишь кисти грузные рябин
Теперь висят краснозакатно.

О чем молчишь — то и твое,
А только выскажешь — чужое.
И как туманы над жнивьем,
Плывет затишье над душою.

Лишь этой истиной жива,
Душа всегда того страшится,
Что сразу выступят слова
Все то, что пламенем таится.

СОВЕТ

Ты тоской себя не мучай —
Поброди среди людей:
Чья-то жизнь благополучней,
Ну а чья-то и трудней.
Посмотри — и легче будет,
Отвяжись от немоты.
И поймешь, что в шумных буднях
Не потерянный и ты.
На себя, как на чужого,
Беспоощадно рассердись.
Если надо, трижды снова
Начинай дела и жизнь.
Начинай с ожесточеньем.
Знай об этом только сам.
Не ходи за утешеньем
Ни к родным и ни к друзьям.

Седину носить не стыдно —
Знак отличия навек.
Издалека сразу видно,
Что бывалый человек.
Седину носить не просто —
В ней свой отблеск обрело
Дум нелегких благородство,
Дней прожитых серебро.
Седину носить красиво —
Чистым снегом порошить,
И охота с бóльшей силой
Лучше прожитого жить,

У живущих лица — не лики.
Как узнать, кто из них великий?
В чьих словах — на века заряды?
Речи часто так заурядны.
В чьих руках — миров перемены?
Руки у всех обыкновенны.
Даже самый высокий подвиг
Коллективный имеет облик.
Даже с божьей искрой личность
Часто рядится под обычность...
Но твердят нам книги и были:
Гениальные люди были.
Но твердит нам тоска по чуду:
Гениальные люди будут.

НА МОГИЛЕ ДРУГА

Его мы хоронили молодым.
Я крышку гроба до могилы нес.
В последний раз стоял не с ним —

пад ним,

На миг ослепнув от морозных слез.
Не выкатились слезы, а ушли
В тоску мою. Прожгли меня всего.
Открыл глаза — и красоту земли
Увидел я сквозь зрение его.

НАРОДНАЯ РЕЧЬ

Дивлюсь народной речи!..
В родимой стороне
Друзей, бывает, встречу —
И будет праздник мне.
Усядусь с пими просто —
Как свой среди своих,
Где сроду не был гостем.
Ел тот же хлеб и жмых.
И разговор вседневный,
Нередко и смешной,
Опять плетет деревня
Легко передо мной.
И вдруг такое слово
Обропит невзначай,
Что в лучший стих готово —
Лишь зорко примечай.
Привскочишь: да откуда,
Да из каких глубин
Достали это чудо
За вздох, за миг один?
Ведь в этом слове редком
И жарком — только тронь —
Мерцает дальних предков
Языческий огонь.
Удивишься немало:
Что слово, как застал,
В тебе самом дремало,
А ты его не знал...
А речи все плетутся,
Как паши кружева:
И так и сяк берутся
И ставятся слова.
Обычные бы вроде,

Да в необычный ряд.
И вдруг, что самородки,
Стыкуясь, загорят...
Родной язык — держава.
И даже мудрый Даль
На всю в словах обшарил
И глубину, и даль.
И мне бывает больно,
Когда берут в тиски
Слова программой школьной
Богатству вопреки.
И горько мне бывает,
Когда в домах у нас
Старушек поправляют
Внучата всякий раз.
Мол, их слова плохие.
И с детства говорят
Хоть грамотно, да хило.
А рядом этот клад!
А он, не видный глазу,
Лежит в толкучке дней.
Дороже всех алмазов
И золота ценней.
Что золото и камни!
В нем то, чем жизнь жива —
Граненные веками
Алмазные слова!

ИВНОИ

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Поэма

Черный хлеб с печного пода,
Он — не просто лишь ломоть,
А радушие народа
И земли родимой плоть.
Хлебный корень густо вьется
В пашне, влагой налитой,
А над ней восходит солнце —
Это колос золотой.
Зерна книзу колос клонят,
И летят, летят они
На крестьянские ладони —
Это наши с вами дни.
Ничего отрадней нету,
Чем, сойдясь в родном краю,
Благодарно в руки эти
Положить ладонь свою.
Потому я и волнуюсь,
Очувившись в тишине
Деревянных старых улиц,
Так давно знакомых мне.
Снова звезды в небе стылом
Голубеют, как во льду.
Тропки снегом завалило,
Тропку свежую веду.
Предо мною чутко дремлет
Под пушистой белизной
Пенсионная деревня
Стороны моей лесной.
Светят лампочки в окошках
Сквозь куржавину и лед,
Словно спелая морошка,

Принесенная с болот.
И легко иду я к дому —
На тепло и на ночлег,
Где живет один знакомый
Старый русский человек.
Здесь, поди, во всей округе
Старше нету никого.
Одногодки друг за другом
Все покинули его.
Корнем крепок он, однако,
Жизнь его, что перевал.
Словно копь на пашне, всяко —
Так и эдак — он живал...
Рад увидеть гостя в доме.
Мне светло навстречу встал.
Жарко сходятся ладони
В знак приветия и родства.
Взгляд сердечный, неизменный,
Только брови — что в снегу.
С грустью вижу перемены,
Но утешить не могу.
Хорошо его послушать,
В теплом доме погостить,
Освежить раздумьем душу,
Посмеяться, погрустить.
Старый ум покуда ясен,
Память долгая жива.
Не соврет, не приукрасит —
Только высветит слова.

О женитьбе

— Ну, как сказать тебе поглаже...
У нас течет занятно жизнь.
Кто овдовеет — живо скажут

Пока не помер — так женись.
При прежней бытности-то, парень, —
Да ты и сам из этих мест,
Так слышал, — сами выбирали
Мы, мужики, себе невест.
А поне... ладно б молодухи,
Так и старухи — ой лихи!
Все мужики у них на мушке,
Все на прицеле женихи.
Вот про себя скажу, к примеру:
Вдовец. Решил один дожить.
Жениться — что в другую веру
Мне, христианину, вступить.
Так нет, земляк, не наша сила:
Не звал, а сваха — на порог.
И столь всего наговорила,
Что ни словечка поперек.
Вторично — что коня в упряжку,
А сам-то — тьфу! — запнусь в траве.
Бывает, день ищущу фуражку,
А хватить — она на голове.
Да бабам что — не станешь вровень,
Одно твердят — теплей вдвоем.
А что касательно здоровья,
Так за здоровье, мол, попьем.
И оженили... В новой жизни
Проснулся, будто сам не свой.
Смотрю: ну прямо голубь сизой,
Стоит хозяйка надо мной.
«Давай, — бодрит, — вставай, хозяин,
И будем к делу приступать».
Смекаю: эти штучки знаем,
Не так уж, право, простоват.
Но подниматься, вижу, надо:
Женился — нечего дремать.

Такая, веришь ли, досада,
Что, извиняюсь, вспомнил мать.
Но к самовару сел с улыбкой:
Держись, коль вышел поворот!
В избе уже свободной рыбкой
Моя заботница спует.
«Вот, — говорит, — под этой крышей
Не целовали мы икон.
А ветром жизнь свою не пишут —
Пойдем и встанем под закон».
Что возразишь? Я жизнь изведаль...
Надел пиджак хороших лет,
И на крыльцо за нею следом,
И покурлыкал в сельсовет.
Дымлю за нею папирсой.
«Батог-то брось», — мне говорит.
Ну, повертел батог и бросил,
А без пего — что инвалид.
Да делать нечего. И вправду
Неловко: все-таки жених.
До сельсовета так и правим —
Она молчит, и я притих.
А в сельсовете быстро пишут,
Не то, что прежде, — благодать.
И никаких вопросов лишних,
И долго нечего стоять.
Ее спросили: «Вы согласны?»
Она, меня поотстраня,
«Согласны, — говорит, — согласны» —
И за себя и за меня.
Ну, тем и кончилось. В минуту
Связали век ее и мой.
Идем обратно мы, как будто
Сходили вместе за водой.
Она, смотрю, сияет жаром,

Бок о бок — новая родня.
И утешает: «Ты не старый,
Нет, ты не старей у меня.
Теперь забегаешь, как милой,
Уж позабочусь я, жена»...
Ох, бабы, брат, большая сила,
Им власть огромная дапа.

О вине

Вот у тебя уже ухмылка...
Но я скажу, а ты вникай:
Теперь чуть что — на стол бутылка,
А раньше было — каравай.
Признай же это, сделай милость,
И согласишься без обид,
Что раньше сердце веселилось,
А ныне сердце-то болит.
Читал однажды я газету —
Газеты, брат, у нас в чести, —
Так вот, туда статейку эту
Один писатель поместил.
Он, слава богу, не нахвастал,
Не лез куда-то в высоту,
А всех людей позвал о пьянстве
Поговорить начистоту.
И написал он справедливо.
А я б добавил, что вино
Столь многих в жизни заблудило,
Что уж командует оно.
Вчера скриплю снежком под вечер,
А тихо было — дым прямой.
Гляжу — мне рубрики навстречу
Из лесу правятся домой.
То встанут эдак боковато,

То вдруг начнут в снегу петлять.
Я — им: «Что, ветрено, ребята?» —
«Ой, дедко, ветрено опять».
Скажи: в лесу какая лавка?
А где-то смырят, ну найдут.
Ведь молодые. Ох, как жалко.
Ну а винить кого же тут?..
Толкуют: стали жить богаче,
А потому и веселей.
Веселье — что же это значит?
Бутылка, что ли, на столе?
Нет, брат, худая это песня —
Жизнь интересна не вином,
А трезвым делом интересна.
Когда же пьем — мы не живем.
Нас нету в жизни — хоть и живы:
В тени стакана мы стоим.
И потому-то все фальшиво,
Что перед ним и что за ним.
Страшна, приятель, тень стакана —
В тени не виден человек.
Стоит он вроде истукана,
И белый свет в глазах померк.
Веселье, нет, не угощение,
Мы так напрасно говорим.
Веселье — сердцу утешенье
Здоровым промыслом своим.

О пенсии

Добро живем — вот только солнце
Не греет, стонем от простуд.
А так, дыши — само живется,
И деньги на дом принесут.

Лишь распишись у почтальонши
И в кучу денежки сгребай,
Да кренделей бери побольше,
Да запасай индийский чай.
Да покупай батон с изюмом,
Конфеты с мяготью внутри...
Грех обижаться — сам подумай,
Вон на старуху посмотри.
Я замуж брал такую разве?
Пошла на пенсию и вот
В одежду прежнюю не влазит,
Обновы, что ни праздник, шьет.
Добро живем. Оборотились,
Хоть и с большим для нас трудом,
Труды былые в справедливость,
И посветлел крестьянский дом.
И есть за что! Поклали силу,
Погоревали от разлук.
Но мы тяжелый сери России
Не выпускали век из рук!
Таких железных и работных,
Как мы, и нету — хоть куда...
Чудные: что такое отдых,
Не понимали никогда.
Так вот, когда настало время
И наших пенсий — боже мой!
Тогда лишь русская деревня
Определила возраст свой.
И то с трудом: то метрик нету,
А то о выслуге бумаг.
В архиве щут, в сельсовете,
Туда-сюда — и нет никак.
Вон посмотри в окно на домик.
Машутка в нем, вдова, живет.
Она своих годов не помнит,

Ну, не ведет обычный счет.
Так вот, у этой у Манутки
Нигде не писаны дела.
И что? Сама же сводит к шутке:
«А я, ребята, не жила».
Но тьма людей-то наторелых —
Они в годах прикинут счет
И говорят ей: «Остарела». —
«Нет, я могучая еще». —
«Но как же с пенсией?» —
«А стану
Просить совхоз, коль поматнусь». —
«Так срок твой вышел по уставу». —
«А я за сроком не гонюсь»...
Всю жизнь бедовая такая,
В любом-то деле — что горит.
«Ведь я работаю руками,
А не годами», — говорит...
Вот это, брат, натура наша!
А кто-то жмет свои года:
Жорей постарше бы, постарше —
Когда же пенсия, когда?!
Иной бывает и не старей,
Уйдет от службы — и затих:
Он пишет — как их — мемуары
О важных подвигах своих.
И что он там не нагородит!
Стышками часто... Был такой,
Не сват, но брат, знакомый вроде.
Послушал я — махнул рукой.
Не надо всем писать под старость,
Когда сторела жизнь дотла:
Добро вершил — добро осталось,
А нет — развеется зола.

О вечерах

Спасибо, что приехал в гости.
Люблю, кто больно тороват.
Нам время — что! Нам ныне просто
В тепле таком вечеровать.
Вот печку снова накалили,
Углей нажгли... (И красный жар,
Что гроздя пламенной калины,
В совке он тащит в самовар.
И в кухне сразу забасило —
Вода взвилась на белый ход.
И самовар уже насилу
Старик, как увальня, несет.)
Сейчас утихнешь ты, капризный,
Уж погоди — попьем, а там
Тебя долой — и телевизор
Чего-нибудь покажет нам...
(Старик заварку ладит важно.)
А телевизоры у нас
Зовут «бездельниками». В каждом
Дому «бездельники» сейчас.
Но это в шутку, хоть и правда.
Я помню, как по вечерам
Сходились женщины и пряли
И сами пели песни нам.
Ах, были песни! Ты не слышал...
Как заведут да поведут —
Так что там стены, что там крыша, —
А степь, и лес, и поле тут.
И ничего душе не жалко,
И никаких не надо слов —
Глядишь, за песней да за прялкой
Навек и выпрядут любовь...
Иной устав и облик ныне,

И прялки брошены давно,
И нитки тянутся льняные
На ткацкое веретено.
И телевизоры мигают,
Как будто длинные глаза.
Глаза такие обегают
И землю всю, и небеса.
Ох, и дивились мы вначале!
Все отвалились от работ
И до полуночи торчали,
Поди, неделю напролет.
Прибродит к нам и тетка Оля,
Уж до того опа стара,
Что курниц выпустит на волю
И заплутает средь двора.
А тут пришла, сообразила.
Видать, и ей покоя нет.
На эту пору телевизор
Решил показывать балет.
«Мужик-то голый! Да и вертит,
Смотрите, голых... Нет стыда!
Ой, право, в ящичке-то черти,
Теперь деваться-то куда!?»
И закрестилась, замахалась
Да и попятилась в подклеть.
Ну, смех, конечно. А на старость
Без смеха надо бы глядеть.
Балеты нынче, слышал, в моде.
Ну, что кому. А нам сейчас —
Про нашу жизнь, про наши годы,
Но без кривуль и без прикрас.
Да постановок бы хороших,
Чтоб защемило, парень, тут.
Чтоб вспомнил все, что в жизни прожил,
Узнал, как за морем живут.

Да песен больше бы прекрасных,
Чтоб голос сердце возносил!
А то поют, так все с притрясом,
Бывает, слушать нету сил...
Ну, посумерничали славно,
Отодвигай в сторонку чай.
Идут соседки, слышь, гулявы, —
Давай «бездельника» включай...

О войне

Железом дважды я обласкал,
А это стоит что-нибудь.
В плечо попало на гражданской,
А на Отечественной — в грудь.
Когда умрем, в могилах долго
Без тления будем мы лежать.
Лишь по певынутым осколкам
Пойдет — само собою — ржавь.
Нас крепко жизни обучала
Война — добром не помянуть!
Война — так в грудь свинец сначала,
Потом лишь — золото на грудь.
Да что о том, лишь сердце маять.
А расскажу я о другом,
Как мы со всей округи в мае
Сошлись, солдаты, за столом.
День выпал чистый, но холодный,
И потому сошлись в избе.
Хоть не родня совсем, а вроде
Все — братья кровные тебе.
Смеемся, шутим друг над дружкой:
Ведь живы, хоть и мало нас.
И, как бывало раньше, кружки,

Стаканы сдвинули зараз.
И потянуло к разговору
Про фронтовую нашу жизнь.
И знаешь, выяснилось вскоре,
Что все фронта в избе сошлись.
Я был на том, сосед на этом,
А третий бился на другом,
Четвертый — дальше за соседом,
А пятый — на море самом.
Как широка Россия наша,
И в горе, знаешь, как любя!
Лишь за нее нам было страшно.
Совсем не страшно за себя.
Вот потому-то нас и мало.
Налили снова дополна:
За тех, кого недоставало,
Мы опрокинули до дна.
Как будто встали с ними вровень,
И горько было — мочи нет.
Но тут хозяйскую гармонию
Рванул во все меха сосед.
И отошло, и полегчало,
И снова в окнах рассвело.
И все задвигали плечами,
Как бы почувяли тепло.
И в круг широкий поманило.
Эх, знаешь ли, как надо жить:
На радость горя половину
Сумей всегда переложить!
И занялись половицы,
И закрипели саногги,
Как будто годиков по тридцать
Смахнули с плеч фронтовики.
Как будто все еще не деды,
И все еще у главных дел.

Вдруг слышим: «Колька, Колька, где ты?»
Взглянули: Буков захмелел.
Он до того сидел без звука.
Большой, что угол в том доме.
И, видно, брата вспомнил Буков,
И стало брата жаль ему.
Он стол с посудой отодвинул,
В толпе рукой расчистил путь
И разогнул сухую спину —
Все мужики ему по грудь.
Он инвалид, нога не гнется
В колене, ходит — что метет.
А тут, глядим, на пляску рвется
И ногу вытянул вперед.
Все расступились. Слышим только,
Как он, рубаху теребя,
Кричит одно: «Эх, Колька, Колька!»
А я хоть топну за тебя...»
И начал топать да кружиться,
Да на одной-то все ноге.
Стонало горе в половицах,
Стонало горе в потолке.
А та, которая не гнется,
Нога торчала, словно жердь.
Смахнул бы все, что подвернется,
И было больно нам смотреть.
Ну а гармонья так играла,
Так пела, чуть ли не рвалась.
И хоть народ сидел бывалый,
Но слезы вышибло из глаз.
Добро, что бабы не видали...
Вот что такое, брат, война.
А ты мне — что-то про медали,
А ты мне тут — про ордена.

О земле

Для вас, которые моложе,
Земля — лишь песни да слова.

А для меня — одно и то же,
Что сердце, руки, голова.

Вот так занято получилось,
За нами вы, ребята, шли.

И на своей земле родились,
Но без своей уже земли.

А я к земле приставлен сроду,
К земле, ну, к пахоте самой,
И всю познал ее певзгоду:

Что было с ней, то и со мной.

Я — двух веков крестьянский житель.

И в старом веке я имел

Угодье трав, участок жита,

Ну то есть собственный надел.

И землю эту отдал людям,

В колхоз вступил я с первых дней,

Но было трудно, ох как трудно

Ее признать опять своей.

Она как будто бы остыла,

Когда пошла под общий плуг.

И стала — что скрывать — постылой,

Ничьей как будто стала вдруг.

Хотя умом-то ведал: наша,

Да вот поди... Лишь не спеша

Я понял, что земля — не пашня,

А что земля — моя душа.

Душа, в нее попробуй вникни,

Коль там межа по-за меже.

Какие есть на свете книги,

Все, до единой, о душе.

Писали люди их веками

И ныне пишут хоть куда,

И все вникают, все вникают —
Не знаю — вникнут ли когда.
А я хоть темен был, но понял,
Что хоть греши, хоть не греши,
А начинай устройство поля
С устройства собственной души...
А ведь земля, взгляни-ко, — диво!
К ней прислонись навек душой,
Так и в несчастье ты счастливый,
Так и в беде — ты сам большой.
Вдохни-ко — так и кормит духом!
Вчера иду — парит везде,
И слышу — пробует Колюха
Свой трактор в свежей борозде.
Колюху я по звуку знаю.
Пусти хоть десять тракторов,
Так я с закрытыми глазами
Скажу, который тут Быстров.
Он звук ведет, как будто пляшет.
Да и плясать, стервец, мастак!
Он генерал лесов и пашеп,
И без него теперь — никак.
Он сеет хлеб, картошку сажит,
Прет без пути и без дорог...
И на центральную усадьбу
Уж полдеревни уволок.
И мне говаривал зимою:
«Чего живешь к земле впритык?
Давай-ко я тебе устрою
Переселение, старик».
А я: «Зачем?» Он скалит зубы:
«Да как зачем — чтоб не отстать.
И с молодой женою в клубе
Кино глядеть и танцевать». —
«Но мне и здесь, — твержу, — не скучно.

А у тебя такой напор,
Что свез бы всю Россию в кучу,
А ей ведь надобен простор». —
«Простору хватит, — он смеется, —
И силы нам не занимать.
Я сам вытягиваю солнце,
Чтоб вам утрами не проспать»
(И он, хвастун, ответил верно:
В его руках сто лошадей,
И раньше всех встает в деревне,
Да и ложится всех поздней).
«А ехать ежели не хочешь, —
Он говорит, — живи себе
И стереги тут пни да кочки,
Да мух дави в своей избе.
А мы наведываться станем...»
Вот вышла в жизни колея.
Последний, может быть, крестьянин
В своей деревне — это я.
Колыха — парень он полезный,
Но вроде как мастеровой:
Не столько в землю, сколь в железо
Пока выкает головой.
А вот ему бы на подмогу,
Чтобы азарт к земле не стих,
Парней толковых бы немного
Да девок, девок молодых.
Чтоб нарожали тут народу
И жили, сердце веселя.
И вот тогда-то новым ходом
Пошла бы матушка-земля.
И мы, взглянув на ваш зажиток,
Смогли спокойно бы сказать,
Что наработались досыта
И, значит, время умирать.

О смерти

А век живу — не надоело,
Хоть было горя и обид...
Смотри — рубаха близко к телу,
А смерть и ближе, может быть.
Страшит ли смерть — тот миг последний,
Который вырвет свет из глаз?
Нет! А страшит всегда предсмертье,
Что на земле не будет нас.
И лишь покаяться возможно —
Поправить ничего нельзя
В своих словах, слетавших ложно,
В своих годах, прожитых зря.
Я мыслю так — меня не путай, —
Что человек без всякой лжи
Лишь в те, предсмертные, минуты
И узнает, как надо жить.
Но рассказать уже не может,
Других не может научить.
И тайну с ним на смертном ложе
Погасят черные лучи.
Одно дается нам — как следно
Уйти и свет не заслонить...
Ну вот послушай напоследок
Про Катерину — так и быть.
Она как будто бы с березы
Скатилась в мир и век жила.
И полила ночами слезы —
Вот и лицом была бела.
И то сказать: ее хозяин
Погиб в бою за город Брест.
И Катерину замуж звали —
Всем отказала наотрез.
Свою беду одна бедую,

Осталась верная себе:
Откуда ветер ни подует,
А все равно — в ее избе.
Но никаких от бабы жалоб
И никакого людям зла.
Иным и нынче не мешало б
Попомнить, как она жила.
И вот когда пошел мутиться
Пред Катериной белый свет,
Примчалась на дом фельдшерница,
А Катерины дома нет.
Ну где она? Куда пропала?
Искать! (А бабы рвали лен)
Так отыскиали за снопами:
В руках со льном сидит внаклоп.
В себе была. Лишь под глазами
Холодное паволоклось.
«Вот и пора, — она сказала, —
Теперь уж я — ни в сноп, ни в горсть...»
Ну тихо под руки подняли
И повели. И шла она
В последний раз по травам вялым
С волоткой сорванного льна.
На остановках через силу
Касалась трав и борозды
И баб испуганных просила
Сорвать какие-то цветы.
Но бабы в этих травах жухлых
Цветов увидеть не могли
И поднимали вновь старуху,
Как отрывали от земли.
Она с беспомощным укором
Сквозь них глядела — дрожь брала.
Потом с улыбкою покорной
Неторопливо вновь брела.

Когда дошли до той березы,
Что у ее стоит окна,
Остановилась и бесслезно
Кору погладила она.
И вдруг упала... В дом старуху
Уж заносили на руках.
Шептала — знать, молитву, глухо,
Понять пытались, но никак.
А фельдшерица — ясно дело
(Как и в дороге) — вокруг нее.
Вдруг Катерина поглядела —
Из забытья и в забытье —
Так ясно, чисто поглядела,
Да так спокойно, что в избе
Затихли все оторопело,
И стало всем не по себе.
А Катерина фельдшерицу
Чуть отстранила, а потом
Сказала: «Дали бы напиться
С реки...» И сразу ожил дом!
Ведро схватили — и на речку:
Лишь ветром вымело следы,
Лишь дважды звякнуло крылечко —
И вот несут стакан воды.
А речка, знаешь сам, какая:
На дне ее кипят ключи.
Роса дымится на стакане,
А в нем расходятся лучи.
Но руки старые ослабли —
Стакан дрожал, и ей на грудь
Текли, текли большие капли,
Но не давала их стряхнуть.
Пускай текут — полегче телу.
Вздыхнув, откинулась назад
И на простенок посмотрела,

А там на снимке — муж-солдат.
Я знал его. На снимке вышел
Он, будто парень, молодым.
И Катерина еле слышно
Шептала что-то перед ним.
И заревели паши бабы.
Она рукой подозвала:
«Воп там, в шкафу», — сказала зябло:
В глазах уже скопилась мгла.
Открыли шкаф. А там, как следпо, —
Одежды горестный запас.
Сама себе наряд последний
Заране сшила — знала час.
И бабы встали тихо, с краю...
Она, березово бела,
Вздыхнула тихо: «Умираю»...
И умерла.

Спасибо

Благословенен час меж тьмой и светом!
Проснешься — а в избе еще темно.
Как древняя икона, чуть заметно
Вытаивает сильнее окно.
За кухонной заборкою сквозь щели
Желтеют блики наподобье свеч.
И слышишь, как спокойно и священно
Хозяйка вновь растапливает печь.
О, жизни круг! Воистину чудесно
Гудит в печи березовый огонь,
Вода вскипает и ложится тесто,
Что в колыбель, с ладони на ладонь.
И ты не спишь, хотя глаза сомкнуты,
Лежишь, как будто в облаке, в тепле.

И понимаешь в эти вот минуты,
Как хорошо родиться на земле.
И жить на ней. И верным быть родному
Обычаю, порядку и огню!
Лежишь и улыбаешься сквозь дрему
Хозяйке, утру, будущему дню.
И чувствуешь — опахивает с кухни —
С печной лопаты, с пода самого —
Ржаным, горячим, в ноздри бьющим духом:
Явился хлеб — как жизни торжество!
Пора вставать! Уже — гляди-ко — в окнах
Скопилась тихо голубая высь,
И облака, что длинные волокна,
На розовых лучинах подожглись.
Скорей умыться! И горстями шумно
Ты плещешь на себя такой водой,
Что если молод — сразу станешь юный,
А если стар — то сразу молодой.
Потом берешь льняное полотенце,
Беленное на мартовских снегах.
Раз утереться — на день разогреться,
Как будто свежесть подержать в руках.
А на столе в сиянье чистых окон
Лежат, что золотистые круги,
И каравай, с достоинством, высокий,
И перед ним — с пачинкой пироги.
Вот чем от горя мы всегда хранимы.
Я, может быть, в глазах того нелеп,
Кто говорит: не хлебом, мол, единым...
Но что без хлеба? Здравствуй, черный хлеб!
Сажусь за стол с хозяевами рядом.
Старик неспешно режет каравай
И на меня глядит хорошим взглядом —
Ешь на здоровье, гостью вспоминай.
От них опять я уезжаю в город:

Там ждут дела, товарищи, семья.
Старик грустит: «Приедешь к нам вдругорядь
И не застанешь, может быть, меня». —
«Ну что ты! — говорю ему. — Ну, полно...»
А он перебивает: «Хошь не хошь,
А срок я чую. Ты меня попомни,
Приди ко мне — услышу, как приедешь».
От этих слов под сердцем зазнобило.
Я говорю, но чувствую опять —
Слова пусты. Они теряют силу,
Когда неправду силишься сказать.
Ну а старик — вот умница — с улыбкой
Перебивает: «Больно не тужи!
Когда приедешь, не печалься шибко,
Иди к Быстрову, славный он мужик.
И встретит, и, куда ты хошь, прокатит.
Ему бы на кабину бубенец!
Что жеребца, пришпоривает трактор,
Смотри, чтоб не пришиб кого, стервец...»
И вновь от сердца отлегло, и надо
Сбираться в путь. Дневник закончен мой —
Открыл его с последним снегопадом,
А закрываю с первою травой.
Перед уходом посидев на лавке,
Застегиваю лямки рюкзака.
«Спасибо», — низко кланяюсь хозяйке.
«Спасибо», — обнимаю старика.
Растроганы прощальной минутой,
Они стоят беспомощно в пэбе
И руку жмут: «Ну, ветерок попутный,
Ну, путь-дорога скатертью тебе»...
Я выбираюсь на проселок древний,
А он пластом чернеет и ползет.
Куда ни гляну — врублены деревни
Сплеча, с размаху в русский горизонт.

Они стоят бесхитростно и просто
И доживают век великий свой.
Деревни — родовые паши гнезда —
Омыты грозовою синевою.
Но сердце ничего не позабыло,
И я поклоном кланяюсь земным
И слово древнерусское «спасибо»
Произношу всем существом своим.
И сорванное с губ зеленым ветром,
Подхваченное кликом журавлей,
Осыпанное белоцветьем вербным,
Оно летит над родиной моей.
Летит, летит и набирает силу
Других, душе созвучных голосов:
Спасибо, деревянная Россия,
За колыбель,
Науку,
Хлеб
И соль!

ЗЕМЛЯ

Поэма

1

Плакаты, будто вихри,
Годами на виду.
Я громкий смысл на тихий
Возьму переведу.
И сразу сердце гулко
Забьется у меня:
За каждой красной буквой
Встает моя родня.
И в судьбы родословной,
Которые видны,
Я всматриваюсь, словно
В историю страны.
Бурлит, струится время
За мной, передо мной.
И гасит, гасит зренье
Глубинною волной.
И ничего-то мне бы
И не увидеть там,
Когда бы веткой не был,
Не рос оттуда сам.
Сквозь толщу лет — все выше,
Сквозь прах — все зеленей.
Я каждым нервом слышу
Движение корней.
И, раздвигая темень,
В глубинах вижу дни, —
Как в раме запотелой,
Качаются они.

Наотмашь окна прорубив,
Перекрестился дед.
И хлынул из лесных глубин
В лицо зеленый свет.
Уставив кулаки в бока,
Дед оглядел кругом:
Дом, верно, вышел небогат,
Но и небеден дом.
Теперь хозяйствовать пора.
Вон Шилов — тот хитер:
Что туча — стадо со двора,
Что гром — возы на двор.
Так землю ширит каждый год
По краю по всему,
Что солнце у него встает
И падает к нему.
И, сердце думой опаля,
Мужик лицом темнел:
Землица, землюшка, земля —
Она лишь на уме.
Теперь и спилось без конца:
Сам — в борозде крутой,
И солнце в гриве жеребца
Под радугой-дугой.
Ну а земля была в ходу,
Лишь ставь рубли ребром.
Но где же — думал он — найду
С орлами серебро?
И в Питер наострился дед.
Там век не перебрать,
Коль сложа руки не сидеть,
Чеканного добра.
С женой, с детьми прсстился дед,

И пасмурно в окно
Четыре солнышка вослед
Глядели, как одно.
Дед рукавом глаза утер
И — доброго пути.
В котомке у него топор,
Как сокол взаперти.
Он, слава богу, полетал
Над гребнями стропил,
Литым крылом потрепетал,
Хмельной смолы попил.
Недаром дед его забрал
В дорожную суму,
Чтобы поболе серебра
Он наклевал ему...

3

Быть может, есть память крови?
Не знаю. Глаза сомкну —
И словпо бы кто откроет
Передо мной старину.
И в горле толкнется горечь,
Во мне прокатится дрожь.
Ах, дед, Роман Никанорыч,
Я вижу, как ты идешь!..
По твоему же следу,
Хотя он давно примят,
Бывает, к друзьям приеду
В блистательный Ленинград.
В граниты вкованный полдень,
Он светится средь болот.
И вдруг я тебя припомню,
Как будто кто подтолкнет.
Здесь все говорит: «Вот было...»

И ты здесь когда-то был.
Какие возвел стропила?!
Какие сваи забил?!
В каких оконных проемах
Стоял ты, узор творя,
И блекла в пятнах соленых
Тогда рубаха твоя?!
И где на воде да хлебе
Ютился ты по углам?!..
Мерцают в туманном небе
Торжественные купола.
И чудится, как сторонкой —
Неловкий средь суеты —
С тяжелой белой котомкой
На Невском плутаешь ты...

4

Кружился Питер — боже мой!
В нем странно знать о том,
Что где-то за еловой тьмой
Стоит в пять окон дом.
Но дед крепился — был смышлен.
Он понял, расспросив,
Что ходоков таких, как он,
Вгустую тут с Русн.
И вот над Питером, остры,
Чтоб видеть все могли,
Заговорили топоры:
«Земли, земли, земли!»
Они, смыкаясь вокруг дворца,
Чтоб слышать все могли,
Стучали грозно, без конца:
«Земли, земли, земли!»
В ответ из окон над Невой

Сверх крыш и улиц сверх
Летел растерянно-немой,
Но все ж орлиный сверк.
И дед пугался. У него
Знобило на нутре.
И застывала оттого
Рука на топоре.
«От века так сотворено,
Что ж мы?» — терялся дед.
Но сколько тут говорунов!
И всяк совал совет.
Одни — общину укреплять,
Другие — хутора,
А третьи — черт те что опять,
Как мухи, до утра.
Чужие вовсе. И отколь
Слетелись да взялись?
Ну где понять им эту боль
И вековую жпзнь?!
Однажды к ним другой пришел.
По виду вроде свой.
И обошелся хорошо,
Как брат-мастеровой.
И он сказал: «У мужиков
Один есть коренник».
Тут в разговор своих дружков
Дед с любопытством вник.
«Он о земле-то мыслит как?
Он что за голова?» —
«Ну вот, к примеру, ты бедняк,
Земля — тебе сперва». —
«Да взять-то где хоть сколь-нибудь?» —
«Э, темноват, браток.
Так надо ж куркулей тряхнуть
Из плисовых порток!»

И дед представил в этот миг,
Как полем, вдоль межи,
Их Шилов, голый, напрямик
Едва-едва бежит.
Весь перемок, живот обвис,
Боясь взглянуть назад,
Бежит под хохот и под свист,
Белеет голый зад...
Дед оглядел своих дружков,
Все помолчали тут.
«Вот кто за бедных мужиков —
Ульяновым зовут...»
А дед в душе-то не хотел
Считаться бедняком.
Пусть пашни был всего надел,
Он думал о другом.
Он думал: над своей нуждой
Он сам одержит верх.
А землю брать с такой враждой
Ему казалось — грех.
И от приятелей самих,
И от того, о ком
Шла речь, повеяло на миг
Жестоким холодком.

5

И вот он, дом! Бросало в жар
От встреч, от кутерьмы.
Дед, как ребенка, самовар
Извлек из котомы.
Тот встал, окошко заслоня,
Пузат и толстолоб.
Его, как брата, ребяшня
По пузе — хлоп да хлоп.

И дед сиял. И неспроста:
Из глубины мешка
Он взял и каждому достал
Два сладких петушка.
И у окошка рядом, вот —
Хозяюшка-жена.
А за окошком — огород
И лес, и тишина.
Какие версты — боже мой!
Чудно подумать здесь,
Что где-то за еловой тьмой
Железный Питер есть...
Другим не мысля досадить,
Сам из последних сил
Дед все же пару десятин
Ольшаника купил.
И корчевать он начал так,
Что в пекле дней иных
Не только мокрым был пиджак,
Но мокрыми штаны.
Ох, наконец-то, забренчал,
Занел, запрыгал плуг,
Чтобы нужду, как молочай,
Топтать за кругом круг.
Изба всегда конем крепка:
Остаток денег спес,
Купил двухлетку-меринка,
Чтобы ходить в извоз.
Но сена, где же сена брать?
Без корма конь пропал.
И дед решил арендовать
Покосы у попа.
Но вдруг неожиданно полетел,
Как говорят, с копыл:
Явился Шилов и надел

У батюшки купил.
Ну, дед — за крашенный порог:
Мол, уступи, сосед.
А Шилов (в глазках — холодок)
Сказал спокойно: «Нет,
Вон лесу, если хошь, продам,
Лес — любо посмотреть.
А корчевать ты мастер сам,
Хе-хе, ты — что медведь...»
Гнев полоснул. И в этот миг,
До звона прояснясь,
Вдруг Питер в памяти возник
И ряд знакомых глаз.
И фраза давних тех дружков
Сверкнула искрой тут:
«Вот кто за бедных мужиков —
Ульяновым зовут!»
Дед и полслова не сказал.
Лишь только — в первый раз —
Он глянул Шилову в глаза,
Как пулей между глаз...

6

Уронят искру в сушь болот,
И грозно под землей
Она зашаает, поползет
Багровою змеей.
Огня пока что не видать,
Но смрад и чад страшны...
Над всей империей опять
Пласталась гарь войны.
«Пошто, — ярились мужики, —
Кровь проливать-то зря?»

И воротили матюги
И в бога, и в царя.
Но все ж на самом том пути,
Какого нет древней,
Котомки начали расти
На спинах деревень.
У деда — прахом все из рук:
Старшого — в некрута!
А сын-то — мальчик, зеленчук,
Травина... Ну, куда,
Кому пожалуешься тут?
Выходит, напрямик:
Когда работать не дают,
Какой же ты мужик?
Эх, мать-земля, хозяин твой,
Единственный навек,
Он — не хозяин, а немой
Служилый человек!...
Катились годы, как с горы
Тяжелые возы.
И зрело, зрело с той поры
Предчувствие грозы.
Леса, как древние валы
Славянских крепостей,
Тянулись из тревожной мглы
Все круче, все острей.
Но что там версты, дебри, мгла,
И что простор такой, —
Когда везде тоска легла
Глубинною тропой.
О, эта грозная тропа!
Хоть вдоль всего пути
Ее канавами вскопай,
Дозорами скрути,
Наставь преград, нагороди

Решеток дочерна, —
Все оставляя позади,
Пройдет, пройдет она!
Тропа — об истине тоска
Для всех владык страшна.
Ее попробуй отыскать,
Когда в сердцах она!..
И долго от избы к избе
Вдоль деревень и сел
По этой горестной тропе
Владимир Ленип шел.
Он шел сперва как дума, мысль,
Не сказанная вслух.
Кто поднимался в эту высь —
Захватывало дух.
Еще без имени пока,
Уже вселяя страх,
Рождалась эта мысль века
В бунтарских головах.
Потом, как новость, как призыв,
Крамолейней всех крамол,
Он шел в низы, в низы, в низы,
Многоименно шел.
И вот — как буревая весть,
Чтоб строить мир другой,
Он встал таким, какой он есть,
И — Ленин! — над страпой.
Он весь — одна стальная страсть
И нетерпенья взлет.
Он поднимает слово: «Власть!.. —
Советам!» — гул идет.
Он, оглядев и даль и ширь
В зловещем дыме битв,
Рукой вздымает слово: «Мир!.. —
Народам!» — твердь гудит.

Он высветлял слова не зря
В потемках долгих лет.
Он произносит лишь: «Земля!.. —
Крестьянам!» — гром в ответ.

7

Гудел, летел стозвонно,
Россию всю вобрав,
И медный, и сосновый,
И синий телеграф.
Сама земля простерлась
Озвученною тьмой:
По ней катилась новость
Уже о ней самой!
И вот в деревню круто,
Во весь российский взмах
Влетела новость утром
С солдатом на дровнях.
И, что снегирь, горела
Тряпица под дугой.
Посыпалась деревня
К солдату: «Кто такой?»
Высокий и мосластый,
Подмял рукою шум:
«Я к вам от Новой Власти
С декретами спешу!
Совет держите сами,
Земля теперь — вам!..»
Взметнулась голосами
Метель по сторонам.
У деда аж в коленях
Забилась сладко дрожь.
Мелькнуло: «Может, Ленин

Вот на него похож?»
Да как солдата спросишь,
Да тут не до того —
К другой деревне лошадь
Уже несла его.
Дед верил и не верил.
Но вот апрель запел —
Все ждали землемера,
Приехал землемер!
Цеплялся снег пожухлый
Еще среди жнивья,
Но солодом набухла
Уже везде земля.
И весь народ — на пашни!
Как будто праздник тут,
Иль ярмарка, иль страшный
Настал библейский суд,
Восторг и смех, и ярость —
Смешалось все в одно,
И солнце разрасталось
В огромное зерно...
В сырую эту землю
Народ колы втыкал.
Неслось: «Земля — по семьям,
Земля — по едокам!»
Ах, вот и в самом деле
Бугрились во плоти
Земельные наделы,
Как тяжкие ломти!
Смеялись бабы звонко:
«Знатьё, что впереди,
По двадцати робенков
Нам, дурам, бы родить!»
И тут мужик какой-то,
Плутавший в голосах,

Вдруг вспомнил, громко ойкнул:

«Моя-то на сносях!»

И, резанув с картинкой,

Он взвился, как вожжа.

Кричал: «Эй, Катерина,

Давай скорей рожай!»

Всем смех. И хоть к моменту

Ребенок не поспел,

Но мужику, как ленту,

Добавили надел.

А кто-то плакал глухо

И кулаками тряс,

И черные старухи

Валились прямо в грязь.

И в тех слезах бессилья,

Сжигавших снег насквозь,

Метался отблеск синий

Надвинувшихся гроз.

Но крепкий и скуластый,

Как бы жигой пример

И выдержки и власти,

Шел полем землемер.

Его сажень простая,

Как буква А на вид,

Заглавно в поле встала,

Как в новый алфавит.

И дед мой в изумленье

Смотрел: мужик хорош!

Мелькнуло: «Может, Ленин

Вот на него похож?»

Да как в толкучке спросишь,

Да тут не до того:

Земля — многополосьем —

Легла к ногам его!

Бреду полями —
И края нет.
И рожь, как пламя
Миновавших лет.
Тогда сгорали
Судьбы дотла.
И под ногами,
Смотрю, зола.
Пылится вяло
Вдоль борозды.
А ведь бывала
Землей вражды.
Бросали зерна —
Была глуха.
Вскипала черной
Травой греха.
Еще бросали —
И вдоль межи
Текла слезами
В колосья ржи.
Огромно, трудно
Из той земли
Камнями думы
Росли, росли.
Вот и поныне
Еще видны
В горькой полыни
Те валуны...
И странное чувство
Сердце томит.
Отраден и грустен
Знакомый вид.
Земля все та же,

Да вот не та,
Хотя и наша
Вся, до пласта.
Легко досталась,
Ох, как легко,
Что материнское
Молоко.
И в вихре будней
Мы, став взрослей,
Уже как будто
Не с ней — над ней.
Не так тревожит
Теперь село,
Которое рожью
Вдали замело.

9

Как тихо в доме, срубленном
Из бревен золотых
И как темны зазубрины
Минувшего на них!
Все до сучка знакомо мне:
Родился здесь и рос.
Волнуется за окнами
Черемуховый плес.
Как много в отдалении
Хранит крестьянский дом
Тоски и дум о Ленине
В молчании своем!
Полы, простенки, матица
В любом таком дому
Мне мавзолеем кажутся
И деду, и ему.

Один брожу средь зелени,
Вдали от суеты.
И потому о Ленине
Все думы так чисты.
Здесь первым в нашенском роду,
Затерянном за ольхами,
Дед оказался на виду
Под грозными сполохами.
И всероссийский перелом
Оборванными нервами
У нас в роду, в селе глухом,
Его коснулся первого.
Мужик со всей своей тлцстой,
Махоркой зори выдымив,
Стоял впервые над чертой,
Для многих и невидимой.
И он решал, куда шагнуть —
По ту иль эту сторону —
И выбирал впервые путь,
Еще не знал которого.
Но от которого отсчет
Пошел иными числами...
Хоть нас и не было еще,
Но мы уже зависели
От мысли, высказанной вслух
Впервые с откровением,
Что захватило даже дух —
Про Ленина, про Ленина!
Его черты угадывал
Мой дед в годах крутых,
В солдатах, в агитаторах,
А то в мастеровых.
И здесь вот с удивлением
Разглядывал, как все,
Впервые снимок Ленина

В газетной полосе.
Не царь в своем величии,
А более всего
Похож он был обличьем
На деда самого...
Давно тот снимок старенький
Сменили на портрет.
Висит в тяжелой раме
И излучает свет.
И дед свое отпраздновал
В те дружные года
Под заревами красными
Свободного труда.
А Ленину — что годы! —
Он вечен и велик.
Он в каждый дом заходит
С ветрами умных книг.
Где Ленин — поиск истины,
Где Ленин — мысли взлет,
Служенье бескорыстное
Движению вперед!
И мы средь книг нахмуренно
Вникаем в глубь ума.
Пороховыми бурями
Спрессованы тома.
И против тьмы и тлена
Летят из тома в том
Слова «Ульянов (Ленин)»
Бикфордовым шнуром.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Колесо родства	6
«Пятистенок, снегами зажатый...»	8
В кои-то веки	9
Печка	12
«Краснеет день — и прочь тоска от сердца...»	14
Время	15
Перекур	17
Жеребенок	19
Кружок	21
«И вот, наконец, окупались...»	24
Вечер	26
Сон Павлы	28
Старик и старуха	31
Куст иван-чая	33
«Пою-у!»	34
Байка	36
Две реки	37
«Схватив корзины, ведра, рюкзаки...»	39
«Я с сыном брожу по чащеньям...»	40
«Стоит березняк с замираньем...»	41
«Что красноводье, поздняя брусника...»	42
«До чего же я зависим...»	43
Колодцы	44
Поземка	46
«Мне опять покой неведом...»	52
«Несутся тучи, словно кони...»	53
Изба	54
«Ах, Родина», — я тихо произнес...»	56

II

Лебеди	58
Чтоб стать собою	60
У Атамановых скал	62
В Овсянке	63
«Уже без чаек даль потускла...»	65
На Угрюм-реке	67
Непойманный таймень	69

«В книжках карманных...»	71
Засодимский	72
Разговор с художником Корбаковым	74
«В молчанье я стою один...»	76
Совет	77
«Седину носить не стыдно...»	78
«У живущих лица — не лыки...»	79
На могиле друга	80
Народная речь	81

ПОЭМЫ

Черный хлеб	84
Земля	107

Романов А. А.

Р69 Черный хлеб. Стихи и поэмы. М.,
«Молодая гвардия», 1975.

128 с.

Новый сборник стихов вологодского поэта Александра Романова — о любви к Родине, к северной природе, ко всему светлому, чем жив человек. Яркие, афористичные, исполненные обаяния стихи поэта рассказывают о душевной молодости лирического героя, много пережившего и передумавшего, щедро раздающего тепло своего сердца людям.

Р2

Р 70402—088—277—75
078(02)—75

Александр Александрович Романов
ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ.

Редактор Вад. Кузнецов
Художник А. Добрицын
Художественный редактор А. Романова
Техн. редактор Г. Каплан
Корректоры: Л. Четыркина, Т. Пескова

Сдано в набор 11/XII 1974 г. Подписано к печати 20/III 1975 г. А11520. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 4 (усл. 4,68). Уч.-изд. л. 4,7. Тираж 30 000 экз. Цена 47 коп.
Т. П. 1975 г., № 277. Заказ 2434.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30.
Сушевская, 21.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Просим вас присылать свои отзывы о содержании и полиграфическом исполнении книги.

Пишите нам по адресу: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

47 коп

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ